Павел Вадимович ВОЛКОВ

ВАЛЕНТИН ВОЛОШИНОВ И ПРОБЛЕМА СООТНОШЕНИЯ МАТЕРИАЛЬНОГО И ДИСКУРСИВНОГО В СОЦИАЛЬНЫХ ИССЛЕДОВАНИЯХ

В статье предпринята попытка пересмотра работ советского лингвиста Валентина Волошинова в рамках задач современного критического дискурс-анализа. Волошинов утверждает, что верно понять смысл высказывания означает — верно восстановить социальный контекст. Разные социальные классы пользуются одним и тем же языком, поэтому в каждом знаке этого языка сталкиваются противоположные интересы и «знак становится ареною классовой борьбы». Дискурсивная борьба есть борьба за то, в какой социальный контекст будет погружен тот или иной текст.

Ключевые слова*: дискурс, высказывание, коммуникация, сознание, социальная борьба*

Pavel V. VOLKOV

VALENTIN VOLOSHINOV AND THE PROBLEM OF THE CORRELATION BETWEEN THE MATERIAL AND THE DISCURSIVE IN SOCIAL RESEARCH

The article attempts to revise the works of the Soviet linguist Valentin Voloshinov within the framework of the tasks of modern critical discourse analysis. Voloshinov argues that to correctly understand the meaning of a statement means to correctly restore the social context. Different social classes use the same language, therefore, in each sign of this language, opposing interests collide and "the sign becomes the arena of class struggle." A discursive struggle is a struggle over which social context a particular text will be immersed in.

Key words: *discourse, utterance, communication, consciousness, social struggle*

Дискурс связан с производством смыслов, а значит, исследуя дискурс, *«мы неизбежно исследуем сознание говорящего или пишущего»* [Yule 2000: 84]. То есть текст в критических дискурс-исследованиях нужен не для феноменологического описания его структуры и использованных в нем лингвистических приемов, а, прежде всего, для выявления средств влияния на человеческое сознание и поведение — как потребители дискурса его интерпретируют и как он влияет на поведение людей. А это уже проблема не лингвистики как таковой, а психолингвистики и социальной психологии.

Крупные школы дискурс-анализа в своей интерпретационной части опираются на методологически соответствующие им теории социальной психологии. Так, Эрнесто Лаклау и Шанталь Муфф используют психоанализ Жака Лакана [Йоргенсен, Филлипс 2008: 82], а Тен Ван Дейк — когнитивную психологию [Ван Дейк 2013]. В теории Нормана Фэйрклафа текст и контекст взаимодействуют через

дискурсивные практики [Fairclough 1992: 71, 86]. Практика же может стать критерием соответствия семиотического и материального только тогда, когда у исследователя *«есть "доступ к реальности" не только и не столько "через дискурсы", сколько через саму практику»* [Jones 2004: 104].

В 2014 году Фэйрклаф в переиздании своей классической работы «Язык и власть» написал, что в когнитивном дискурс-анализе (КДА) *«дискурс рассматривается как ставка в социальной борьбе, а также как место социальной борьбы, а социальная борьба рассматривается как включающая классовую борьбу»* [Fairclough 2014: 2]. Представление о социальных практиках как классовых отношениях (не только их, но в основании именно их), сближает подход Фэйрклафа с разработками советского лингвиста Валентина Волошинова, для которого знак — это арена классовой борьбы [Волошинов 1993: 28].

Волошинов — важная фигура для дискурсивного анализа. Однако *«прочтение советского текста эпохи НЭПа в 1970—1980-х гг. во Франции*, — утверждает швейцарский лингвист Патрик Серио, — *вызвало смысловые искажения, наносящие большой ущерб для его адекватного понимания»* [Серио 2015: 260]. Смысловые искажения Волошинова произошли из-за того, что его работы были прочитаны «лингвистически», т.е. «структуралистски», без учета метода, которым пользовался автор — диалектики. Опора Фэйрклафа, который называет свой подход к КДА диалектическим, на работы Волошинова [см. Chouliaraki and Fairclough 1999] завершается некоторым теоретизированием и обозначением направления дальнейших исследований, но не достигает практического уровня. Попытка понять Волошинова без «смысловых искажений» может стать важным шагом в развитии дискурсивной теории Фэйрклафа и приведении ее интерпретативной части в методологическое соответствие с описательной.

Идеологическое возникает между индивидами и становится средой их жизни, поскольку «*сознание слагается и осуществляется в знаковом материале, созданном в процессе социального общения организованного коллектива»* [Волошинов 1993: 17]. Организованного, прежде всего, для производства и воспроизводства жизни; коллектива, занимающегося совместной предметно-практической деятельностью, в которой исторически рождается общение и язык.

Волошинов говорит, что само по себе физическое тело совпадает со своей природной данностью и ничего не означает, тем самым не представляя собой идеологический объект. Но образ этого тела в человеческом представлении, отражение и преломление материи в сознании, т.е. вещь, превращенная в знак, становится идеологическим продуктом. По Волошинову, нечто становится знаком только потому, что отсылает к чему-то иному вне себя самого. Так советский символ

«серп и молот» означает труд и классовую борьбу трудящихся. *«Все идеологическое обладает значением: оно представляет, изображает, замещает нечто вне его находящееся, т. е. является знаком. Где нет знака — там нет и идеологии»* [Волошинов 1993: 13].

Итак, знак не существует сам по себе, но только как отражение чего-то другого (не знака) и именно поэтому он может это другое отражать истинно или искажать, иначе говоря, давать другому идеологическую оценку. *«Область идеологии совпадает с областью знаков. Между ними можно поставить знак равенства. Где знак — там и идеология»* [Волошинов 1993: 14], — утверждает Волошинов, и это означает, что без формы нет содержания, но и без содержания формы быть не может: знак всегда идеологичен, а идеология оформлена в знаках.

«Его [Волошинова] отказ от лингвистики как таковой, — по мнению Серио, — *проявляется здесь в полной мере: изучение фонетики и морфологии в том виде, как он это прочитывает у Ф. де Соссюра, касается только формы, поэтому не может являться научным, потому что для него форма без связи с содержанием не является предметом изучения»* [Серио 2015: 258]. Поэтому сказать, что знак — это только идеальное отражение материальной действительности в сознании, было бы односторонним и недиалектическим подходом к вопросу. Знак и сам материален, поскольку всегда дан человеку во внешнем опыте в каком-то материале (звуковом, цветовом, графическом и т.д.)

Волошинов объясняет, что внешняя человеку вещь становится знаком, преломляясь в его сознании, но при этом сами знаки, а значит и идеологии, находятся не в сознании, а вовне, в коммуникации. *«Знаку противостоит знак»*, — пишет исследователь [Волошинов 1993: 15] и добавляет, что действительным фактом сознание становится только в материале знакового воплощения. Сознание возникает не в голове человека, а в практическом взаимодействии с внешним миром и другими людьми в знаковой форме, поэтому нет отдельных друг от друга сознания и знака. Также нет отдельных объекта и среды, человека и общества, а есть человеческое общество и человек как общественное животное, а все внутреннее в нем есть интериоризированное внешнее.

Идею о том, что текст может непосредственно отражать внетекстовую реальность (например, идеологию или экономическую жизнь) Волошинов называет вульгарным социологизмом, социологизаторством лингвистики. Не существует метода, который позволяет связывать текст и материальную действительность непосредственно, точно так же как не существует метода, который позволяет переносить, скажем, психологическое состояние индивида на все общество (общество с эдиповым комплексом или шизофреническое общество). Знаки суть материализация коммуникации в предметно-

практической деятельности. Выраженное в знаках нормализованное социальное взаимодействие, выраженная в знаках идеология есть дискурс. А это в свою очередь значит, что дискурс является непосредственной надстройкой над экономическим базисом, между дискурсом и социальным строем нет ничего промежуточного, нет творящего идеологию сознания отдельного индивида: *«Индивидуальное сознание — не архитектор идеологической надстройки, а только жилец, приютившийся в социальном здании идеологических знаков»* [Волошинов 1993: 18].

Здесь Волошинов подходит к ключевому для КДА вопросу: как действительность определяет знак и как знак отражает действительность.

Нужно уточнить, что, хотя в своих работах исследователь периодически ссылается на труды академика Николая Марра, он никогда не являлся сторонником марризма (именно из-за марристов его после смерти долго не печатали в СССР) и не считал язык надстройкой над экономическим базисом, т.е. сугубо классовым явлением. Формализованный литературный язык — явление национальное, и один и тот же язык используют все общественные классы одной нации (знакового сообщества — совокупности пользователей одного и того же набора знаков для идеологической коммуникации). Однако классовые различия в *употреблении* одного и того же языка, в коммуникации и дискурсе объективно присутствуют и порождают различные значения одних и тех же слов:

«Материальная база определяет дифференциацию общества, его социально-политический строй, иерархически расставляет и размещает взаимодействующих в нем людей; этим определяются место, время, условия, формы, способы речевого общения, а уж тем самым определяются и судьбы индивидуального высказывания в данную эпоху развития языка, степень его непроницаемости, степень дифференцированности ощущения в нем различных сторон, характер его смысловой и речевой индивидуализации. И это, прежде всего, находит свое выражение в устойчивых конструкциях языка, в шаблонах и их модификациях» [Волошинов 1993: 167].

Волошинов придерживается позиции, что ключом к пониманию связи экономического базиса и идеологической надстройки (материального и дискурсивного) является социальная психология. Он утверждает, что вне знака могут существовать физиологические процессы в нервной системе, но не может существовать психика. В знаке *«происходит встреча организма с внешним миром»* [Волошинов 1993: 31], а психическое переживание является знаковым выражением соприкосновения организма с внешней средой. Исходя из этого, исследователь делает вывод, что знаковый материал психики — это слово, идеологический знак. С одной стороны, каждое идеологическое

содержание может быть понято, а значит психически усвоено, с другой — каждое идеологическое явление создается через психику, *«поэтому, с точки зрения содержания, между психикой и идеологией нет принципиальной границы…»* [Волошинов 1993: 39].

Чтобы стать содержанием психики, слово сначала должно появиться в процессе деятельностной коммуникации, но без внутреннего знака внешний знак перестает быть знаком, превращаясь в физическую вещь. *«Психическое переживание — это внутреннее, становящееся внешним; идеологический знак — внешнее, становящееся внутренним. Психика в организме — экстерриториальна. Это — социальное, проникшее в организм особи. И все идеологическое — экстерриториально в социально-экономической области, ибо идеологический знак, находящийся вне организма, должен войти во внутренний мир, чтобы осуществить свое знаковое значение»* [Волошинов 1993: 46]. Диалектическое единство психики и идеологии можно представить как освобождение внутреннего знака от субъективного переживания, т.е. становление его идеологическим знаком, и одновременно трансформацию идеологического знака в субъективное переживание, благодаря чему он только и может представлять жизненный смысл для конкретного субъекта.

Здесь нужно обратить особое внимание на то, что социальная психология — не посредник, не некое третье звено между материальным и дискурсивным, поскольку уже было сказано, что между базисом и надстройкой нет ничего третьего, одно непосредственно вытекает из другого. Производственные отношения определяют все способы человеческого общения и все многообразие возникающих в общении идеологических форм, а *«общественная психология — это и есть прежде всего та стихия многообразных речевых выступлений, которая со всех сторон омывает все формы и виды устойчивого идеологического творчества»* [Волошинов 1993: 22]. Таким образом, Волошинов предлагает рассматривать общественную психологию как бы с двух ракурсов: с точки зрения ее идеологического содержания и с точки зрения форм и типов речевой коммуникации, в которых это содержание выражается. По Волошинову, формы общения (к примеру, общение во время производственного процесса), формы высказывания (к примеру, деловые реплики) находятся в органическом единстве и детерминируются социально-экономическими отношениями в конкретном типе общества. С изменением типа общества изменяются формы общения.

В идеологический дискурс входит только то, что связано с жизненной практикой социальной группы. При отсутствии такой связи никакая идеологическая пропаганда, никакое навязывание дискурса индивидуальным произволом не работает. *«Другими словами, только*

то и может войти в мир идеологии, оформиться и упрочиться в нем, что приобрело общественную ценность» [Волошинов 1993: 26].

Становящуюся объектом знака действительность Волошинов называет *темой знака* [Волошинов 1993: 26].

Идеологические темы индивидуализируются, существующий в социальной группе индивид принимает их как свои личные. Идеологические темы и дискурсивные формы, в которых они реализуются, являются моментами вызывающей их к жизни тотальности — социально-экономических условий жизни коллектива. Для того чтобы адекватно осмыслить переход материальной реальности в знак, Волошинов выдвигает три методологических требования [Волошинов 1993: 26]:

1) идеология существует не в сознании, а в материальной действительности знака;
2) знака не существует вне конкретной формы социальной организации;
3) коммуникации не существует вне ее формы, которая зависит от экономического базиса.

«Действительная сущность языка есть социальное событие речевого взаимодействия, осуществляемое в высказывании» [Волошинов 1930: 66].

Рождаясь, ребенок не получает язык в готовом виде, он вступает в речевое общение сначала с родителями, затем с другими людьми, и в этом общении обретает и язык, и сознание. Родному языку люди не обучаются (иначе он не родной), в нем они, как говорит Волошинов, «впервые пробуждаются» [Волошинов 1993: 89]. Соответственно, высказывание как продукт речевого акта сугубо социально. Речевая деятельность произрастает из деятельности неречевой (труда, игры, ритуала и т.д.), несет служебную роль в неречевой деятельности. В ней же, а не в формальной лингвистической системе и не в индивидуальной психике исторически становится язык [Волошинов 1993: 105].

По Волошинову, смыслом коммуникации является высказывание как «реальная единица речи» в конкретной социальной ситуации [Волошинов 1930: 66]. Именно речи как языкового взаимодействия, а не языка как грамматической системы. Под социальной ситуацией имеется в виду полный (исторический, экономический, политический, идеологический) контекст высказывания. *«Всякое жизненное высказывание… заключает в себе, помимо выраженной словесной части, еще и эту невыраженную, но подразумеваемую, внесловесную часть (ситуацию и аудиторию), без понимания которой не может быть понято и само высказывание»* [Волошинов 1930: 67].

Язык живой коммуникации не является абстрактной лингвистической системой, поэтому объектом КДА должны быть высказывания конкретных людей в конкретных исторических

ситуациях и социальных контекстах, обращенные к конкретным людям [Collins 1996]. В высказываниях, т.е. в вербальных взаимодействиях, формируется значение, соответственно именно высказывание Волошинов считает «основной реальностью языка» [Волошинов 1993: 56]. Для анализа конкретного высказывания важно находить не общие и устойчивые для всех высказываний данного языка грамматические формы, а характерные для исследуемого высказывания стилистические модификации абстрактных грамматических форм. Тем не менее, общее, конечно, должно быть обнаружено, и это общее — выражающая определенную историческую ситуацию тема высказывания. *«Тема должна быть едина, в противном случае у нас не будет никаких оснований говорить об одном высказывании»* [Волошинов 1993: 110]. Темой обладает только такое высказывание, которое взято как исторический феномен, соответственно тема исторически неповторима и единственна. Но в рамках одной темы высказыванию принадлежат разные *значения — «значение является эффектом взаимодействия говорящего со слушателем на материале данного звукового комплекса»* [Волошинов 1993: 114]. Кроме того, высказывание содержит и *оценку*, а *«изменение значения есть, в сущности, всегда переоценка: перемещение данного слова из одного ценностного контекста в другой»* [Волошинов 1993: 117].

Согласно Волошинову, лингвистические формы существуют только в контексте конкретных высказываний, а поскольку высказывания всегда наполнены идеологическим содержанием и несут оценку (мы говорим и слышим то, что является истинным или ложным, хорошим или плохим, важным или неважным, приятным или неприятным), они отражают позицию той или иной социальной группы.

Для Волошинова не имеет смысла пытаться найти ответ на вопрос, как каждый отдельный индивид интерпретирует один и тот же текст, поскольку изолированный от общества индивид — это не поддающаяся изучению абстракция, таких не существует, поэтому вопрос интерпретации дискурса — это вопрос жизненного опыта тех или иных социальных групп. Соответственно, понять знак можно только в конкретной социальной группе, которая определяется не общим языком (члены группы могут говорить на совершенно разных языках), а предметно-практическим взаимодействием, совместно прожитым опытом или, говоря языком психологии, *переживанием*. Совместное переживание создает энтимему — нечто имплицитно подразумеваемое и не нуждающееся в прямом выражении для того, чтобы быть понятым.

Семантическая интерпретация требует оценки и переоценки обстоятельств, в которых происходят высказывания. Одни группы оценивают события 2013–2014 гг. на Украине как демократическое волеизъявление народа, другие — как вооруженный государственный переворот. Соответственно высказывание «Майдан — это революция

достоинства» первыми будет интерпретироваться как правда жизни, а вторыми — как обман или ирония. Таким образом, понять значение высказывания можно только описав тип ситуации, которой это высказывание касается. Описание же всегда будет происходить с той или иной социальной позиции, т.е. будет оценкой.

Для реальных живых людей слова — не абстракции, они ассоциируются не с общепринятыми лингвистическими значениями, а с конкретными контекстуально обусловленными ситуациями [Recanati 2000, 2004]. Рой Харрис называет такую контекстуально обусловленную коммуникационную единицу не знаком лингвистического кода, а «знаком-в-его-контексте» [Harris 1996: 147]. Итак, значения динамичны, они меняются в зависимости от контекста, а это значит, что определить значение слова и описать тип рассматриваемой ситуации — одна и та же задача [Timotijevic 2018: 197]. Верно понять смысл высказывания означает — верно восстановить социальный контекст. Играет ли в этом какую-то роль лингвистическая составляющая? Да. Сказать «цены выросли» или «правительство подняло цены» — не одно и то же. Но вполне понять, почему это не одно и то же, без социального контекста невозможно. *«Контексты не стоят рядом друг с другом, как бы не замечая друг друга, но находятся в состоянии напряженного и непрерывного взаимодействия и борьбы»* [Волошинов 1993: 88]. Дискурсивная борьба есть борьба за контекст, за то, внутрь каких исторических обстоятельств будет погружена интерпретация того или иного текста. Например, решение российского руководства о начале специальной военной операции на Украине может быть интерпретировано в контексте «необоснованной агрессии», а может — в контексте «где мы были 8 лет», и таким образом приобретать совершенно противоположные значения.

Отражение материальной действительности в знаке в силу самой природы отражения не может не быть в той или иной степени искажено, преломлено. Искажение же определяется *«скрещением разнонаправленных социальных интересов в пределах одного знакового коллектива, т. е. классовой борьбой»* [Волошинов 1993: 28]. Речь о том, что разные классы пользуются одним и тем же языком, поэтому в каждом знаке этого языка сталкиваются противоположные интересы и «знак становится ареною классовой борьбы» [Волошинов 1993: 28]. В обычных условиях идеологический знак «реакционен», считает Волошинов. Он стабилизирует, нормализует и легитимирует интересы правящего класса как всеобщие интересы. *«Господствующий класс стремится придать надклассовый вечный характер идеологическому знаку, погасить или загнать внутрь совершающуюся в нем борьбу социальных оценок, сделать его моноакцентным»* [Волошинов 1993: 28]. В этом и заключается искажение. Но во времена социальных кризисов, когда противоречия

нарастают и люди в меньшей степени склонны доверять мейнстримному дискурсу, поскольку он не соответствует или не вполне соответствует тому, что они видят у себя за окном, диалектичность знака становится более ясной.

Изменение значения в дискурсивно выраженном социальном конфликте показывает переоценку позиции, т.е. социальные изменения. А в периоды социального кризиса классовость использования языка, классовость значений, проявляется особенно остро, и потому помогает решить главную задачу КДА — вскрыть конфликт между угнетенными и угнетателями, которые *«стремятся предотвратить и подавить развитие и распространение форм высказывания, которые могли бы подорвать их притязания на легитимность»* [Collins 2000: 44).

Значения внутри одного знакового сообщества конкурируют, а точнее группы с разными экономическими интересами внутри одного знакового сообщества конкурируют друг с другом в том числе с помощью знаков и значений. Все, что имеет значение для жизни социальной группы, подлежит оценке с точки зрения ее собственного социального положения и ее интересов. Так Волошинов видит классовую борьбу в семиотическом измерении.

Список литературы:

Collins C. 1996. To concede or to contest? Language and class struggle. In Barker C. and Kennedy, P. (eds.) To Make Another World. Studies in Protest and Collective Action. Aldershot: Avebury.

Collins C. 2000. Vygotsky on Language and Social Consciousness: Underpinning the Use of Voloshinov in the Study of Popular Protest.

Fairclough N. 1992. Discourse and Social Change. PolityPress.

Fairclough N. 2014. Language and power (3rd ed.). London: Routledge.

Harris R. 1996. Signs, Language and Communication. London: Routledge.

Jones P. E. 2004. Discourse and the Materialist Conception of History: Critical Comments on Critical Discourse Analysis. Historical Materialism 12(1): 97-125.

Recanati F. 2000. Oratio Obliqua, Oratio Recta. An Essay on Metarepresentation. Massachusetts: MIT Press.

Recanati F. 2004. Literal Meaning. Cambridge: Cambridge University Press.

Timotijevic J. 2018. The relevance of Marx to contemporary perspectives on Utterance Meaning in Context: a re-examination of Voloshinov's Philosophy of Language. Language Sciences. Volume 70: 193-204.

Yule G. 2000. Pragmatics / G. Yule. – Oxford: Oxford University Press.

Ван Дейк Т. 2013. Дискурс и власть: Репрезентация доминирования в языке и коммуникации, Москва: «Либроком».

Волошинов В. 1930. Конструкция высказывания // Литературная учеба. № 3: 65–87.

Волошинов В. Н. 1993. Марксизм и философия языка: Основные проблемы социологического метода в науке о языке. «Лабиринт».

Йоргенсен М. В., Филлипс Л. Дж. 2008. Дискурс-анализ. Теория и метод / пер. с англ. 2-е изд., испр. Х.: Изд-во «Гуманитарный центр».

Серио П. 2015. Волошинов, философия языка и марксизм. Политическая лингвистика 2 (52): 354–263.

ВОЛКОВ Павел Вадимович – аспирант Аспирантской школы по коммуникациям и медиа НИУ ВШЭ (г. Москва), *pvvolkov@hse.ru*

Научный руководитель – *БАЙША Ольга Анатольевна*, PhD, доцент факультета мировой экономики и мировой политики НИУ ВШЭ (г. Москва).